

ЭТАПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ НАТИГА РАСУЛ-ЗАДЕ «ВСАДНИК В НОЧИ»

Офелия Мурадова

Университет Азербайджан, Баку, Азербайджан
e-mail: ofeliya.muradova.az@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются идейно-эстетическое содержание и художественные особенности известной повести выдающегося азербайджанского писателя Натига Расул-заде «Всадник в ночи», отличающейся остротой тематики и чрезвычайной актуальностью содержания. Показывается, что автор глубоко проникает в психологию личности, анализирует ложную систему воспитания, которая в реальности нередко порождает погоню за миражами мнимой славы. В статье вместе с этими композиционными особенностями, рассмотрены также психологические тонкости анализа внутреннего мира героев, присущие перу Н. Расул-заде. Показывается, что благодаря динамизму и активной функциональности поэтической структуры текста, выводы и обобщения автора, сделанные им в далёких 80-х, а эхом отзываются в конце второго десятилетия XXI века, звучать актуально и пронзительно и в современности.

Ключевые слова: Азербайджанская литература, русскоязычие, Натиг Расул-заде, реализм, тематика прозы, деградация личности.

ŞƏXSİYYƏTİN PSIXOLOJİ DEQRADASIYA MƏRHƏLƏLƏRİ NATİQ RƏSUL-ZADƏNİN "GECƏ ATLISI" POVESTİNDƏ

Ofeliya Muradova

Azərbaycan Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Xülasə. Məqalədə görkəmli Azərbaycan yazıçısı Natiq Rəsul-zadənin mövzu aktuallığı və məzmun dərinliyi ilə seçilən "Gecə atlası" adlı məşhur povestinin orijinal bədii xüsusiyyətləri və ideya-estetik məzmunu tədqiq olunur. Göstərilir ki, müəllif şəxsiyyətin psixologiyasına dərinlən nüfuz edir, xəyali şöhrət axtarışına səbəb olan saxta tərbiyə sistemini dərinlən təhlil edir. Məqalədə qəhrəmanın daxili aləminin təhlilinin N. Rəsul-zadənin qələminə xas psixoloji incəlikləri də araşdırılmışdır. Göstərilmişdir ki, mətnin poetik quruluşunun dinamikliyi və aktiv funksionallığı sayəsində, müəllifin uzaq 80-ci illərdəki qənaət və ümumiləşdirmələri 21-ci əsrin ikinci onilliyinin sonunda da əks-səda verir, müasir dövrdə də aktual və təsirli səslənir.

Açar sözlər: Azərbaycan ədəbiyyatı, rus dili, Natiq Rəsul-zadə, realizm, nəsr mövzuları, şəxsiyyətin tənzəzlü.

STAGES OF PSYCHOLOGICAL DEGRADATION OF PERSONALITY IN THE STORY OF NATİGA RASUL-ZADE "THE RIDER IN THE NIGHT"

Opheliya Muradova

Azerbaijan University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The article examines the ideological and aesthetic content and artistic features of the well-known story of the outstanding Azerbaijani writer Natiq Rasul-zadeh "The Rider in the Night", which is distinguished by the sharpness of the topic and the extreme relevance of the content. It is shown that the author penetrates deeply into the psychology of personality, analyzes the false system of upbringing, which in reality often gives rise to the pursuit of the mirage of imaginary glory. The article also discusses the psychological subtleties of analyzing the inner world of heroes inherent in the pen of N. Rasul-zade. It is shown that thanks to the dynamism and active functionality of the poetic structure of the text, the author's conclusions and generalizations, made by him in the distant 80s, and echoing at the end of the second decade of the 21st century, sound relevant and piercing in our time.

Keywords: Azerbaijani literature, Russian language, Natiq Rasul-zadeh, realism, themes of prose, personality degradation.

1. Giriş

В своё время критик-литературовед и журналист Д. Ализаде назвал Н. Расул-заде «живым классиком». Он мотивировал своё мнение тем, что, помимо родины «с его творчеством хорошо знакомы в Болгарии, Венгрии, Югославии, Польше, России и многих других государствах» [1, с.8]. В самом деле, такие повести и романы, как «Среди призраков», «Брат», «Дом», «Дождь в праздник», «Рисую птицу», «Светлые сумерки» переведены на иностранные языки и известны далеко за пределами Азербайджана. Кроме того, Н. Расул-заде в наши дни является автором более 20-ти сценариев к художественным фильмам. Один из них завоевал высокую награду – в Страсбурге на Всемирном фестивале короткометражных фильмов занял почётное второе место.

Творчество Расул-заде обширно и разнообразно. Но в ряду перечисленного повесть «Всадник в ночи», по мнению большинства отечественных критиков, стоит особняком. Впервые в азербайджанской прозе начала 1980-х годов были подняты острые и чрезвычайно актуальные в республике темы. Не будем забывать о том, что в тот период Азербайджан входил в состав СССР, и в указанные годы произведения ещё подвергались достаточно жёсткой цензуре. Надо было, бесспорно, иметь смелость говорить правду о тех печальных фактах и обстоятельствах, которые будоражили республику.

Примечательно, что, как и многие другие сочинения, «Всадник в ночи» написан динамичным и полемичным стилем, с сопровождающим его напряженным сюжетом. Но остро закрученная интрига (а это соответствует почерку писателя) не является самоцелью. В настоящем случае это средство выражения волнующих автора фактов. Посредством выведения первоначально положительной, затем рефлектирующей и, наконец, словно в цепной реакции, откровенно отрицательной личности, писатель утверждает свою чёткую нравственную и гражданскую позицию.

В чём же она заключается? Прежде всего в активном и небывалом для тех времён разоблачении гнусной сущности приспособленчества, местничества, бездуховности и карьеризма. В повести от имени самого автора рефреном многократно озвучены такие психологические черты характера, как себялюбие, честолюбие и тщеславие, синонимичные в строго лингвистическом отношении. Причём, в их самом уничижительном смысле. Вокруг центрального персонажа – Зохраба образуется атмосфера своеобразной мимикрии эгоцентризма, упорной сосредоточенности на самом себе. Герой на протяжении многих лет считает себя личностью исключительной, избранной, хотя в действительности являющейся вполне заурядной. Кстати, ординарность в финале повести подчёркивается, в частности тем, что решительно отвергается кредо обывательщины, цинизма, когда первые нерадивые предприниматели 1980-х годов понимали свободу как вседозволенность. В республике от лица отдельных финансовых воротил, дельцов с низкими нравственными запросами, утверждалось, что все продаётся и покупается.

Но поставленная автором цель в повести оказалась осложнённой этапами деградации героя. Существо дела заключалось в том, что ребёнок и юноша вовсе не был похож на взрослого Зохраба. Родители пытались сделать из него талантливого музыканта, а впоследствии – скульптора. Однако благими помыслами в данном случае, как в библейском изречении, вымощена дорога в ад. Многократно и сознательно с позиции автора повторяются слова о желании взрослых вырастить человека, лелеемого громкой славой. «Лишь бы ты стал человеком уважаемым, известным, только бы прославился, поскорее развил свои таланты», – напутствует отец [4, с.182]. Эти велеречивые слова столь часто употребляются в самом начале повествования, что читателя они невольно настораживают. Многие в заповедях родителей, равно как и мотивах поведения юноши заставляют усомниться в искренности возлагаемых на подростка надежд.

Н. Расул-заде, по нашему мнению, является прозаиком, умеющим глубоко проникать в психологию личности. Ложная система воспитания в реальности нередко порождает погоню за миражами мнимой славы. С этой целью автор, словно сквозь микроскоп, рассматривает отдельные этапы из жизни героя. Оказывается, будучи юношей, он много и упорно трудился. Зохраба безраздельно увлекала лепка, и опытные наставники прочили ему будущее большого мастера своего дела. В детстве известный скульптор – родной дядя Зохраба абсолютно конкретно пророчил ему большое будущее. И окрыленный мальчик с утра до вечера, без усталости лепил, трудился так, что к ночи не ощущал уже собственных рук. Н. Расул-заде выгодно оттеняет трудовую деятельность героя-подростка: «Труд целых двух недель, тяжело, терпеливо, тщательно, продвигается всё же работа, доходя до самой грани, но лишь бы не сорваться, разрушить, раскромсать, но делать, сжимая зубы, продолжать лепить...» [4, с.185]. И у него многое получалось в юности, потому что была светлая голова и ясная цель.

Однако молодой и, как видим, небесталанный «ваятель» Зохраб не без помощи воли родителей попадает в омут всемогущества, самоутверждения. Как отмечал Анар, «взрослеющий герой вступает на путь сделок со своей совестью, и каждая новая уступка соблазнам несправедливой жизни приближает его к роковой грани – полной измене своим юношеским идеалам, искусству, высокому призванию художника. И вот, незаметно даже для себя самого, он переступает ту черту, которая отделяет вроде бы невинные компромиссы от сомнительного, злонамеренного преступления, незаконной наживы шальных денег. И в итоге последовал крах одаренного художника, честолюбивого мечтателя, незаурядной личности. Крах тем более огорчительный, что герой поначалу, и в этом нетрудно убедиться, заявлен как характер сложный, многозначный» [2, 4].

Примечательный приём для азербайджанской прозы 1980 годов применяет Н. Расул-заде в этой повести: повествование от начала до конца ведётся на двух уровнях. А именно: вся повесть движется как бы двумя параллельными сюжетными линиями – взрослой, отмеченной преступлением и пороком жизни героя, и его же детского существования до условного «грехопадения». Другими словами, один текстовый пласт словно вступает в

творческое «соревнование» с другим, смежным. То осуществляется своеобразный «прыжок в детство», то автор возвращается к взрослой жизни героя. И делается это, как нетрудно заметить, так умело, что мы не ощущаем искусственности этих переходов. Они плавные, закономерные, логически скреплённые друг с другом, сходятся всегда в единой точке, словно знаменитые своды замка, о которых в своё время писал Толстой в связи с «Анной Карениной».

Но и этот приём, нередко используемый писателями, придерживающихся реалистического направления, заметно модифицируется. По нашему мнению, он как бы смещается в сторону постмодернистской доминанты. Поясним. В этой повести взрослая жизнь героя прокручивается как бы назад, в обратном направлении, а детская пора шаг за шагом, отвоёвывая компромисс за компромиссом, постепенно приближается к той самой точке, на которой оба хронологических ряда смыкаются, как бы сцепляя судьбу Зохраба в единое целое.

Таким образом, нетрудно прийти к выводу, что Зохраб, герой повести, как было сказано выше, – личность далеко не однозначная. Вернее, он как личность не успел даже ещё и сложиться, как тут же начал предавать самого себя. В его одаренности, может быть, и таланте никто из окружающих не сомневался; десятилетнему мальчику, как пишет автор, удавалось оживить глину настолько, что застывали возле его произведений маститые профессионалы, застывали в глубокой задумчивости.

Совершенно очевидно, что юность – это самый оптимальный отрезок его жизненного пути, на котором автор наметил наиболее удачные находки и обретения. С болезненной остротой и чёткостью Н. Расул-заде показывает мир людей, не только далеко отстранённых от искусства, но и занимающихся тёмными махинациями, примитивные в своём диком невежестве, лишённые намека на нравственное чувство натуры.

Начинается второй этап жизни центрального действующего лица. Из положительного он превращается в героя рефлектирующего, сомневающегося в том, что избрал верный путь в жизни. На этом этапе он инстинктивно ощущает фальшь окружающей его жизни. Лучшая половина героя тянется к свету, одному берегу реки, с которого он, образно выражаясь, начинал своё большое плавание. Худшая же часть его души, напротив, тянет к той жизни, в которой имеются только ложные приоритеты.

С болью пишет автор о том, как Зохраб превращается в «некоронованного короля» новой области приложения физических и нравственных сил – предпринимательства в криминальном мире. Броское выражение «Я – король», о чём герой-юноша имел весьма смутные понятия, теперь обростаёт вполне реальным смыслом зрелого бизнесмена 1980-х годов. «Король! Чего ж ещё. Я всего добился. Но нет-нет, – ведёт автор своего героя по лабиринтам жизни нравственных законов, – да и возвращалась временами заросшая горечь. Она обжигала, заставляла растерянно в новой жизни отныне искать уже чего-то настоящего, подлинного, что давно, в его душу растаяло» [4, с.194]. Но поиск смысла бытия даётся ему

нелегко. Ощущение «ненатуральности» жизни становится всё более явным. Прежние слова, звучавшие рефреном, – «честолюбие», «себялюбие», «тщеславие» остаются, а выражение из детства и юношества «Я – король» подменяется фальшивыми рассуждениями о правильности избранного пути.

Заметно, как на втором этапе этой несправедливой жизни рассказ об искусстве превращается в повесть-размышление. И это не только внутренние монологи героя, но и философские размышления самого автора о том, как может низко пасть человек. Условно с середины повествования автор почти постоянно (стойкая реалистическая черта творчества) присутствует на страницах повести. Часто создаётся даже ощущение, что он словно бы ведёт по жизни своего героя. Во всяком случае, надеемся, что это чувствует читатель. Но позиции автора и героя непременно расходятся. Как гласит классическая формулировка в современном литературоведении, автор не равен своему герою. Он всё время рядом, но, конечно же, не разделяет его взглядов, решительно отвергая все его поступки.

Какие же, к примеру? Зохраб холоден с любимой девушкой Нелей, пренебрежительно относится к матери, выступает против дидактических наставлений отца (и справедливо, но характер отца Зохраба – за рамками нашей статьи), однако, как говорится, «яблоко от яблони недалеко падает», а от кривого дерева прямой тени не будет. Поэтому, осуждая отца, он в сущности повторяет те же самые ошибки. С течением времени Зохраб становится злым и чёрствым. Незаслуженно выгоняет с работы секретаря, с гневом обрушивается на ни в чём не повинного личного шофёра. Отстраняется от честных людей, погрязая во лжи и преступности.

Волей-неволей, но Н. Расул-заде втягивает профессиональных критиков и рядовых читателей даже в наши дни в дискуссию о том, кем же в реальности является центральный герой? Мы видели, что юношеская мечта стать скульптором разбилась, словно «любовная лодка о быт». Но в новом – предпринимательском быту бушуют совершенно иные страсти. Спрашивается: остаётся ли Зохраб объективно человеком или же это всего-навсего зверь, грубое животное? Мы не оговорились; всё большее количество персонажей в повести называют его именно «зверем», припоминают прежние обиды, отворачиваются от него, покидают.

Попытаемся и мы ответить на этот вопрос. По своей чрезвычайной подверженности открытым страстям Зохраба, безусловно, следует считать человеком. Но берущее верх самолюбие, полнота власти и вседозволенность приводят к ненависти ко многим окружающим. Друзей он не нашёл, называет их негодяями, предателями, прихлебателями и блюдолизамы. Власть и ненависть сплетается в сложный клубок противоречивых чувств, эмоций. В непримиримой борьбе этих антиномий верх берёт злое начало в человеке, затерявшемся в преступном мире.

Зохраб и сам не отрицает своих негативных качеств характера: «Вот-вот, – говорит ему один из сослуживцев, – угрожать ты только и можешь, избивать и подкупать. А более

ни на что ты не способен» [4, с.224]. На что последовала едкая и кичливая реплика Зохраба: «Ошибаешься ты. Я ещё способен и на тонкую лесть, так нравящуюся людям...» [4, с.224].

Итак, третий и последний этап деградации героя недвусмысленно подводит нас к мысли о том, что это был «период озверения». Положение Зохраба осложняется тем, что в мире криминального бизнеса, по мысли Н. Расул-заде, действует круговая порука тех, кто «повязан» общим делом – добыванием больших и неправедных доходов. (Анонимный герой – некий «мужчина со шрамом», проворачивая с Зохрабом очередную преступную сделку, говорит: «Поможем тебе. Сегодня мы – тебе. А завтра – ты нам. Рука руку моет») [4, с.188]. Всё это описано автором скупно и ёмко. И именно оттого, что эти картины рождают яркую эмоциональную реакцию, понимаешь: в них много жизненной правды.

Зохраб – это «маленький царек» подпольного мира. Однажды он услышал эту оценку со стороны и воспротивился. Маленький? Он был бы возмущен до глубины души, услышав такую оценку своей натуры и деятельности: ведь самому себе он часто видится именно королем, каким хотелось ему видеть себя в далеком детстве – сильным, властным, внушающим всем страх и почитание. Детская мечта о власти в своей окончательной деградации претворилась в почти беспредельное презрение к тем, кто подчиняется не столько уму и даже деловым качествам героя, сколько размеру тех денежных сумм, которыми он владеет и ворочает.

Вот здесь-то и есть «зерно» повести, ключ к раскрытию характера Зохраба. Довольно последовательно и порой весьма доказательно дает автор картины нравственного перерождения мальчика, мечтавшего воплотить в глине и камне безудержную, горячую любовь к жизни. «Лазейкой» к теперешнему взрослому Зохрабу стала мечта не о радости творчества, но о плодах, которые порой приносит большой, изнуряющий труд художника. Ему больше хотелось ощутить вкус плодов, чем познать радость долгого и кропотливого процесса их «взрачивания». Казалось, это не так уж страшно. Однако порой именно банальная истина, увиденная спокойно и ясно, объясняет самые сложные перипетии, которые уготованы человеку судьбой. Из маленькой страсти: иметь, не очень задумываясь о том, каким путем, и выросла натура властолюбивая, преступная, лишённая нравственных устоев, насквозь эгоистическая.

Если два предыдущих этапа мы характеризовали в нашей статье как повесть об искусстве, затем размышление, то третий этап свидетельствует о повести-предостережении (или предупреждении). Правда, автор завершает повествование с нотой оптимистичности. Уже перед арестом Зохраб сам себе признаётся: «Нет, есть у меня, конечно, настоящее. И я любому глаза выколю, кто скажет, что нет у меня более ни настоящего, ни будущего» [4, с.271]. Позднее раскаяние героя. Верится с трудом, что Зохраб может так резко перемениться, как об этом говорится на последних страницах повести, ведь так убедительно показан он в привлекательных для него джунглях «цехового» мира, где живут и правят «золотозубые» – сытые, грубые животные, уважающие лишь силу кулака, подкрепленную

толстым кошельком. Достаточно вспомнить страшный по силе цинизма и презрения к человеку эпизод полета в Москву, чтобы «просто... выпить чашечку кофе в «Национале». И поведение Зохраба с собственным шофером, и «покупка» официантки в ресторане, приглянувшейся ему, и другие подобные сцены, которые точно рисуют нравственный облик центрального персонажа. Но потому-то и хочется вспомнить слова шекспировского короля Лира: «Из ничего и выйдет ничего». В этом случае из столь глубокого и циничного презрения к людям не может столь скоро родиться глубокое «прозрение» Зохраба, к которому «подводит» его автор к концу повести. Однако наше собственное мнение может расходиться с авторским, и мы на нём не настаиваем.

Отметим, что эту мысль выражал и критик Е. Коваленко. В рецензии на данную повесть он, в частности, отметил: «Надо полагать, что ни прекрасные сами по себе воспоминания героя о юношеских увлечениях искусством, ни воспоминания о детских влюбленностях и первой любви не могут убедить нас в том, что в этом человеке осталось то животворящее начало если не любви, то, по крайней мере, уважение к человеку. Без него вообще немислимо существование истинно нравственной личности» [3, с.120].

В то же время нельзя не отметить психологической тонкости, присущей перу Н. Расул-заде, когда уже в тюремной камере он вновь возвращается в детство. «Своды замка», о которых мы сказали в начале настоящей статьи, герметично сомкнулись. Зохрабу вдруг опять захотелось лепить, может быть и недолгим капризом природы страстной и не нашедшей себя до конца на том поприще, которое ею избрано. Но тем актуальнее и пронзительнее звучат выводы и обобщения автора, сделанные им в далёких 80-х годах, а эхом отзывающиеся в конце второго десятилетия XXI века.

Литература

1. Ализаде Д. (2004), Писатели сейчас ничего не зарабатывают». Интервью с заслуженным деятелем искусств Н. Расул-заде. Эхо, 4 июня, 8.
2. Анар. (1983), С болью за утраченную личность. Бакинский рабочий, 4 октября, 4.
3. Коваленко Е. (1983), Трудная наука быть человеком. Литературный Азербайджан, No.10, 119-121.
4. Расул-заде Н. (1983), Всадник в ночи. В его кн.: Год любви. Баку: Гянджлик, 177-271.